

- Правовое регулирование, управление и контроль» // Актуальные проблемы российского права. 2008. №4.
14. Николаевский А.П. Соль и соляная промышленность Астраханской губернии. – Астрахань, 1925.
  15. Моторин Г.С. Озеро «Собачья голова». Астрахань 1993.
  16. Моторин Г.С. Развитие соледобычи на Баскунчакском озере. Астрахань, 1993.
  17. По пути. Очерки Среднего и Нижнего Поволжья. – Казань, 1884. – 121 с.
  18. Правила устройства и содержание лечебных заведений для участников больничных касс// Астраханские губернские ведомости от 27 августа 1914г. №98.
  19. Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX в. М., 1997. Т.1
  20. Предпринимательство в России: вторая пол. XIX в.– начало XX в. М., 1999. т.2
  21. Сысоев П.С. Из истории соляной промышленности Астраханской губернии. Астрахань, 1958.
  22. Уставы Монетный, Горный и о Соли. Т. 7. Свод законов Российской империи. СПб. 1857.
  23. Чумадеева Е.И. «Баскунчак – соляная гора» // Губернский архив. – Астрахань. 2006. Вып.5.
  24. Шульга И.И. «Поволжские соловозчики» // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2008. № 05. С. 156-159.
  25. Шутикова Е. Соль илецкая во второй половине XVIII. - Оренбург, 2004.

Автор статьи:

Алдонгарова

Марина Марковна ,
преподаватель каф. истории России
(Астраханский государственный
университет),
email: marina.ald@mail.ru,

УДК 902/904

С.С. Тихонов

ЭТНОГРАФО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ РУССКИХ ПРИТОМЬЯ И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ИЗУЧЕНИЯ (по материалам среднего течения р. Томь в Кемеровской области)

Археолого-этнографические работы могут иметь разный характер. Это археолого-этнографические сопоставления в стиле Д.Н. Анутина и его последователей [1; 2], этноархеологические исследования Л.Г. Бинфорда и его единомышленников [8], многочисленные работы в области экспериментальной археологии [4], изучение этнографо-археологических комплексов [3].

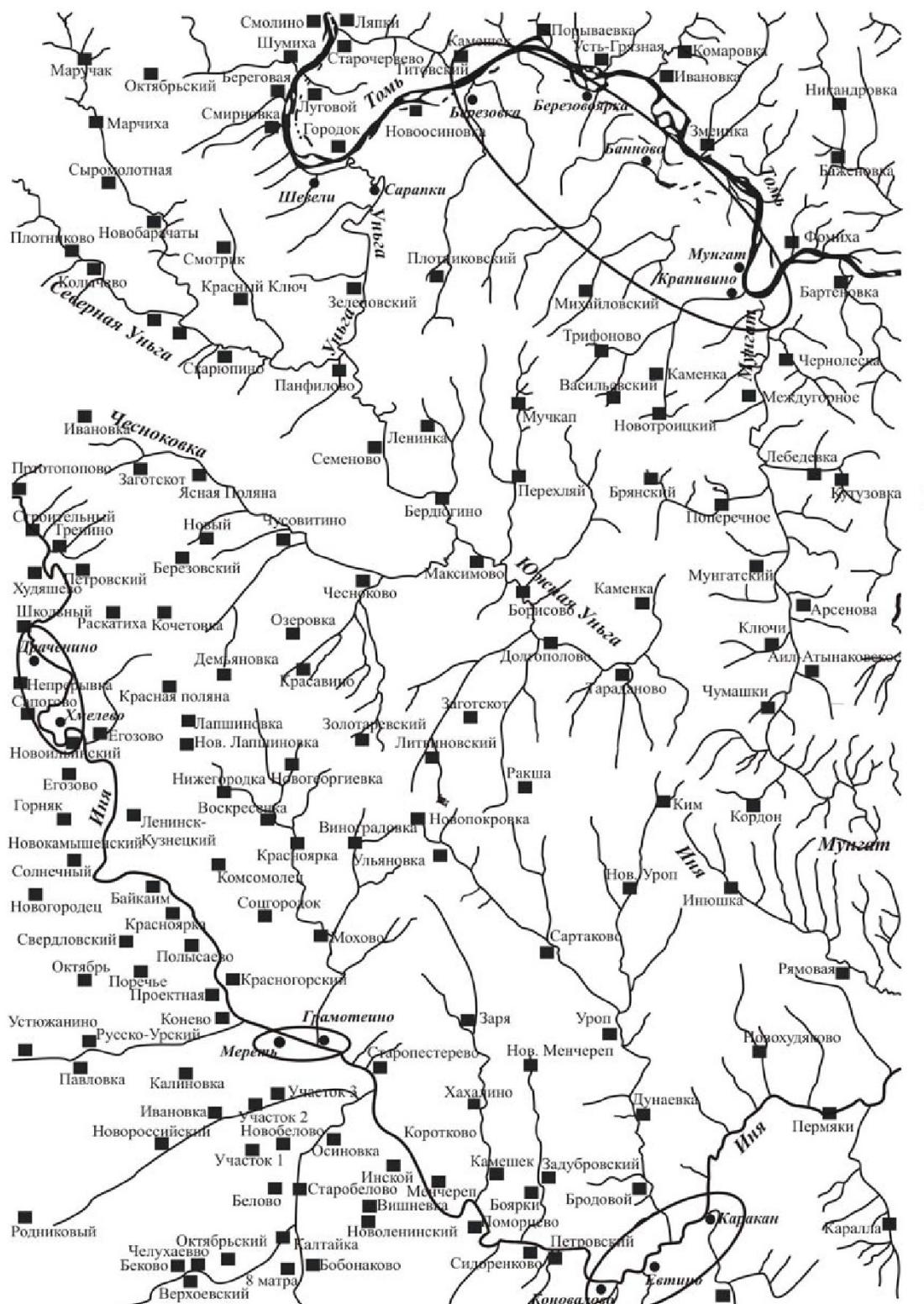
Данная работа посвящена вопросу изучения этнографо-археологических комплексов (ЭАК) русских сибиряков, и выполнена на материалах среднего течения Томи. Ее источники — материалы Г.Ф. Миллера [5; 7] и его спутника С.П. Крашенинникова [6], проезжавших по этим местам в сентябре-октябре 1734 года, а также материалы автора, собираемые с начала 1990 годов.

Рассмотрим сначала процесс заселения изучаемой территории, располагающейся ныне преимущественно в Крапивинском районе Кемеровской области. Это поможет представить начало формирования системы расселения русских сибиряков, являющейся одним из компонентов ЭАК. В начале XVIII века русские деревни на Томи отнеслись к двум уездам: к Томскому, самыми южными деревнями которого были Уньга, иначе Чевелева (ныне Шевели) на устье р. Уньга (левый приток Томи), и Зарубкина (ныне Сарапки) в двух верстах от нее [7, с. 95], и к Кузнецкому, где самыми северными населенными пунктами были

деревня Лачиново, по другому — Баева, (левый берег Томи) близ Лачиновской курьи и юрты Сустанаковы напротив Баевой и немного выше устья Тайдона (правый приток Томи) [5, с. 32; 6, с. 41, 49-50]. Между уездами располагалась незаселенная территория, тянущаяся вдоль Томи примерно на 50-60 км.

По природно-географическим условиям здесь можно выделить три района. Ниже устья р. Осиновой (правый приток) Томь выходит из гор, причем на ее правом берегу ниже устья р. Мунгат сформировалась широкая, до 4-8 км, пойма (местами она была заболочена, в ней до мелиорации 1960 годов были «острова», покрытые хвойной растительностью), изобилующая дичью, с хорошими сенокосными угодьями и выпасами. Пашенное земледелие в этом районе было возможно на прилежащих в пойме гравиях. Зимой здесь формируется очень высокий снежный покров, и снег в логах может полностью растаять только в первой декаде июня. Зимние температуры здесь бывают очень низкие (ниже 40 градусов). Август и начало сентября очень теплые, что способствует хорошему вызреванию огородных растений. В связи с большой влажностью почв и наличием практически в каждом логу ручья здесь невозможны были лесные пожары. Именно в этой зоне располагается острог и близкие к нему деревни.

Второй участок — это верховья Ини (правый

Условные обозначения

- Евтино - населенные пункты XVIII века
- Межеловский - современные населенные пункты
- Иня - реки

Рис.1. Расположение населенных пунктов в междуречье Томи и Ини

приток Оби), в которую впадает большое количество мелких рек и речушек. Здесь имеются участки поймы шириной до 2-5 км. Пашенное земледе-

лие возможно было на примыкающих к пойме участках первой надпойменной террасы. По сравнению с первым районом здесь меньшая высота

снежного покрова, и более теплая зима. Здесь также располагались русские деревни.

Третий участок — это полого-увалльные территории по притокам Томи (Мунгат, Унъга и их притокам) и по левым притокам Ини между Иней и Томью. Этот участок сейчас заселен очень плотно, но в начале XVIII века население здесь отсутствовало.

В данном случае не рассматриваем правобережный участок Томи, занятый горной тайгой, и освоенный в хорошо только к концу XIX века. Сейчас из многочисленных когда-то деревень по Томи, Осипово, Тайдону, Грязной осталось только несколько небольших населенных пунктов на Томи ниже Крапивино (Змеинка, Ивановка, Усть-Грязная, Паровайка) больше похожих на дачные поселки.

В 1715 году примерно между Лачиново и Верхотомским острогом власти ставят Мунгатский острог, к которому относят деревни по Томи - Крапивина (ныне Крапивино), Чердынцева, иначе Банная (ныне Банново), Нижнеярская, по другому — Курганы (последнее название этой деревни — Березовоярка, ныне не существует), и Березовка. Все они находились неподалеку от острога в пределах 15-20 км, т.е. на пойменном участке левобережья Томи.

К острогу отнесли и деревни в верхнем течении Ини (левого притока Оби) Верх-Уенская или Караканская (ныне Каракан), Ефтифеева (ныне Евтино), Коновалова (Коновалово), Меретская (Мереть), Хмелева (Хмелево), Брюханова, Драченина (Драченино), Заозерная, Грамотеева [6, с. 33] в 60-75 км от острога.

Получается, что в начале XVIII века какой-то участок территории Притомья пустовал, причем аборигенное население здесь отсутствовало (единственный населенный пункт, где жили тюлюбера - Сустанаковы юрты, ныне почти исчезнувшая деревня Салтымаково - располагались в котловине в долине Тайдона, где были хорошие условия для разведения скота, но не для земледелия). На этот участок просят разрешения поселиться крестьяне, предположительно Кузнецкого уезда. Об этом свидетельствует то, что строили Мунгатский острог кузнецкие казаки. Сохранилось предание, что острог поставили зимой. Далее, территорию приписали к Кузнецкому острогу. Наконец, некоторые сведения конца XIX — начала XX века (об охотничих участках жителей выше устья р. Мунгат, о торговле медом и точильными камнями с более южными территориями, о наличии сведений, указывающих на присутствие шорских фамилий (Сыркашины) в деревнях в районе острога) позволяет предполагать, что у населения преобладали южные связи. Все вместе это позволяет предполагать, что сюда просились переселиться крестьяне именно Кузнецкого уезда.

Сам Мунгатский дистрикт весьма необычен. Остроги Притомья — Сосновский, Верхотомский,

крепости Томская и Кузнецкая находились в центре своих земель. Мунгатский острог располагался на северо-восточном kraю дистрикта, на самой его окраине, и был значительно удален от деревень на Ине.

Он не имел военного значения, т.к. находился далеко от джунгарских кочевий, да и оборонительных сооружений практически не имел. Вот что писал об остроге Г.Ф. Миллер: «Мунгатский острог или станец был построен в 1715 году при сланными кузнецкими казаками по просьбам многочисленных поселенцев, которые хотели поселиться в этой местности. ... Состоит из обводной стены, сооруженной из бревен и кольев в виде полуокруга со стороны, противоположной берегу... Со стороны реки никаких укреплений нет...» [5, с. 24]. С.П. Крашенинников описывает острог иначе: «Кругом сего острогу нет никакой ограды, ни церкви, одна только часовня во имя Покрова бого诞одицы» [6, с. 51]. Полагаю, что прав С.П. Крашенинников, который мимо Мунгатского острога проплывал на лодке, хотя бы и ночью, а Г.Ф. Миллер проехал из Кузнецка в Томск сухопутной дорогой и острог не посещал.

Наконец, острог был удален от дороги Кузнецк — Томск, которая шла через верховья Ини, т.е. стоял не на магистральном пути. Это не значит, что из острога нельзя было никуда приехать. Было несколько путей. Вверх по Мунгату или «разломом» (через место, где сейчас стоит деревня Борисово) ездили к Салаилу и (по рассказам старожилов) «через салаирскую таежку прямо в Алтай». Этой дорогой жители Крапивино и окрестных деревень возили на продажу мед и точильные камни. Вторая дорога вела на север к Томску. Желающие попасть туда переправлялись через Томь на правый берег в районе д. Березовоярка, и шли оттуда через д. Черви (ныне Старочервево) на Верхотомку, а оттуда прямо на Томск. Так ходили в начале XX века санные обозы купца Ременникова, жившего в Крапивино.

Получается, что некоторые крестьяне желали поселиться на отдаленной от Кузнецка территории на большой реке с широкой поймой. Такая модель заселения известна на Иртыше, Оби, Тоболе. Другая часть крестьян захотела поселиться опять-таки на незаселенной территории, но в верховьях реки (полагаю, что это аналог мелких рек типа Мунгата, Унъги и им подобных). Это другая модель заселения, тоже известна. Как пример — деревни по Киргизке в районе Томска, или Ускату близ Кузнецка.

Интересно, что на Ине новообразованные деревни расположились группами по две-три. Между деревнями расстояние было около 5 верст, а между группами деревень — 25-30 верст. Если предположить, что среди крестьян близлежащих деревень могли быть устойчивые связи, то можно считать, что на Ине ушли три группы крестьян, и еще одна — на Томь.

О том, что эта территория была незаселена свидетельствуют материалы Г.Ф. Миллера и С.П. Крашенинникова, а также значительное (до 8-10 км на Томи) расстояние между деревнями. В тех местностях, где русские жили давно, от одной деревни до другой могло быть и менее версты, хотя чаще было 2-3 версты.

Выход очевиден — в первой четверти XVIII века на берегах Томи появляются русские деревни, и начинают формироваться их культурно-хозяйственные комплексы. Рассмотрим их как этнографо-археологические комплексы на примере Крапивино. К археологической части ЭАК может относится старое кладбище д. Крапивино и находившаяся когда-то здесь церковь. Уже в 1930 году в ней прекратили службу, т.к. детей родившихся в этом году крестили в Банново. В годы войны в ней был скобяной магазин, после войны здание церкви сломали. В ходе небольших земляных работ — установка столбов, сооружение небольших зданий — местные жители находили здесь кости людей. В настоящее время это место находится в центре Крапивино в начале улицы Кооперативной. Здесь растет несколько сосен. Место не застроено, и доступно для археологических исследований.

Еще одно кладбище было в части деревни, которая называлась «Боярки». Это правый берег Быструхи (небольшой речки, протекающей через Крапивино) по улице Пятаковича. В настоящее время на этом месте находятся усадьбы местных жителей.

Северную часть Крапивино старожилы иногда называли «Мунгат» или «Острог», т.к. здесь в месте поворота коренной террасы на краю клюк-

венного болота «Займище» стоял Мунгатский острог. Еще в 1960 г. между Крапивино и острогом было пустое место, называемое «Долгий колок», где пасли скот. До войны на этом месте был аэродром. К сожалению, работы Ю.В. Ширина и В.М. Кимеева по поиску острога пока результатов не дали. Возможно, место острога смыла Томь, возможно, какая-то его часть сохранилась в пойме, поскольку передвойной под горой школьники,копая ямы, нашли стоящие вертикально бревна. Рядом с острогом по террасе в сторону Банново было кладбище. Сейчас на этом месте находятся разрушенные фермы и лежит навоз. Место доступно для ведения археологических работ.

Что касается этнографии, то пока в деревне есть дома постройки конца XIX — начала XX века, и даже более ранние - 1868 года. Старожилы помнят местные топонимы: «Фолинский край», «Боярки», «Деревня» (иначе «Худяшовский край»). Сохранились знания о местах добычи камня для изготовления точил. Пока еще не исчезли исторические предания, например, о художнике В.Д. Вучечевиче. К сожалению, если археологическая часть ЭАК Крапивино сохраняется, то этнографические материалы очень быстро пропадают. Это связано с оттоком из Крапивино старожилов, нарушением устной традиции передачи исторических преданий, сносом старых обветшавших домов, притоком нового населения из соседних деревень, не знающих истории деревни. Это, к сожалению, относится не только к Крапивино.

Однако, в настоящее время имеется неплохая возможность вести этнографо-археологические работы по изучению истории и культуры сибирских старожилов на территории Притомья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анучин Д.Н. Сани, ладьи и кони, как принадлежности похоронного обряда // Древности, т. XIV, 1890.
2. Анучин Д. Н. К истории искусства и верований у Приуральской чуди в кн: «Материалы по археологии восточных губерний». — М., 1899.
3. Жук А.В., Тихонов С.С., Томилов Н.А. Введение в этноархеологию. Омск, 2003. 72 с.
4. Малинова Р., Малина Я. Прыжок в прошлое. М., мысль, 1998. 272 с.
5. Миллер Г.Ф. Описание Кузнецкого уезда Тобольской провинции в Сибири в нынешнем его состоянии, в сентябре 1734 года // Сибирь XVII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. С. 17-36.
6. С.П. Крашенинников в Сибири. Неопубликованные материалы. М.-Л. Наука, 1966.
7. Элерт А.Х. Историко-географическое описание Томского уезда Г.Ф. Миллера (1734) // Источники по истории Сибири доссоветского периода. Новосибирск, Наука, 1988. С. 59-101.
8. Binford Sally R., Binford Lewis. New Perspectives in Archaeology. Chicago, Aldine Press. 1968.

□ Автор статьи:

Тихонов
Сергей Семенович
канд. ист. наук., доцент,
с.н.с сектора археологии Омского филиала ИАЭТ СО РАН,
зав. каф. ОмГУ им. Ф.М. Достоевского
Email: [st-57@mail.ru]